Леонтий Андреевич КОРОЛЁВ

МЕЖДУ ЯЗЫКОМ И СИМУЛЯЦИЕЙ: ФЕНОМЕН ПСЕВДОЯЗЫКА В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье исследуется феномен «псевдоязыка» как структурного элемента современной культуры, возникающего в условиях цифровых медиа. На примере искусственного интеллекта и теорий медиации (М. Маклюэн) автор предлагает рассматривать псевдоязык не как отклонение, а как продуктивную систему, реорганизующую процессы интерпретации текстов. Анализ фокусируется на переходе от «дискурса смысла» к «графическим» методам обработки информации.

Ключевые слова: *псевдоязык, массовая культура, медиатеория, искусственный интеллект, цифровые медиа.*

Leonty A. KOROLEV

BETWEEN LANGUAGE AND SIMULATION: THE PHENOMENON OF PSEUDOLANGUAGE IN MASS CULTURE

The article examines the phenomenon of "pseudolanguage" as a structural element of modern culture emerging in the context of digital media. Using examples from artificial intelligence and mediation theories (M. McLuhan), the author proposes to interpret pseudolanguage not as a deviation but as a productive system reshaping text interpretation processes. The analysis highlights the shift from "discourse of meaning" to "graphical" data processing.

Key words: *pseudolanguage, mass culture, media theory, artificial intelligence, digital media.*

Распространенным является представление о том, что современный период в культуре характеризуется «смешением» или тем, что в популярной рецепции постмодернизма принято называть «релятивизмом» в отношении текстов, в том числе и основополагающих для культуры [Бодрийяр 2015: 12]. При этом, сама «постмодернистская» эстетика и этика обращения с текстом воспринимается преимущественно негативно. Предлагая категорию «псевдоязыка», мы пытаемся подойти к изменениям, происходящим в культуре, как таковым (то есть вне их критического сопоставления с предшествующими или наличными культурными образцами), пусть это и будет только первое приближение лишь по одной из возможных траекторий.

Относительно термина «псевдоязык» можно сказать, что, хотя он и употребляется во многих контекстах в разных теоретических областях, его осмысление крайне ограничено, а само употребление – инструментально. Так, например, термин «псевдоязык» или «псевдокод» применяется в программировании для обозначения

вспомогательного текста, структурно подобного программному коду, но не предназначенного для преобразования в машинный код [Кнут 2006: 78]. В психиатрии «псевдоязыком» называют своеобразный «язык бредовых состояний» [Личко 1983: 45]. В литературоведении термин часто применяют к поэтическим формальным экспериментам или вымышленным языкам [Лотман 1970: 112].

Греческая приставка «pseudo-» применяется для обозначения «ложного», «обманчивого», «неискреннего», «поддельного», то есть критическая интенция, кажется, заключена уже в самом термине [Бодрийяр 2015: 15]. При этом мы стремимся прочитать современную ситуацию в культуре продуктивно, а не критически. Поэтому речь идет именно о «псевдоязыке», а не о «псевдотексте»: о «pseudologos», который, как предполагается, имеет свои правила и структуры, несводимые к «ошибкам» или «отклонениям». Получаемый таким образом «терминологический оксюморон» объединяет оба представления не логически, а структурно – удерживая их в рамках одного термина, одной лексемы.

«Pseudo-» указывает на специфику восприятия того, что можно назвать структурами нового типа, в публичном, а часто и в научном, дискурсе (см. напр.: «пост-правда», «deepfake», «фактчекинг», «echo-chambers» и др.) [Галкин 2020: 23], хотя подразумевает и другие трактовки (например, «камуфляж», «мимикрия» как возможные качественные характеристики этих структур).

Итак, термин «псевдоязык» предполагает если не внутренне присущий структурам нового типа «язык», то по крайней мере возможность взаимодействия с ними с позиций языка и в пределах языка.

Теперь, чтобы выяснить, какое место «псевдоязык» может занимать в системе культуры как системе обращения текстов (системе медиа), попробуем соотнести его с другими элементами внутри системы. В этом исследовании мы обращались к теории М. Маклюэна [Маклюэн 2007: 34] о медиа как «расширениях функциональных возможностей человека» и о воздействии технологий медиации на культурные процессы. Эта модель предполагает несколько последовательных парадигмальных сдвигов в ходе развития способов (медиа) обращения артефактов культуры (собственно текстов).

Первый этап в таком случае может быть связан с развитием письменности в культуре, которое обеспечивает возможность хранения и пересылки сообщений или текстов. Таким образом, «протезирована» или «замещена» оказывается функция «присутствия», «голоса», непосредственности сообщения или связь «ситуация-сообщение». Поскольку теперь сообщения могут быть записаны, сохранены и переданы вне контекста ситуации сообщения, появляется необходимость в атрибуции «авторства» или удостоверении

«подлинности» и «аутентичности» текста сообщения [Барт 1989: 89].

Следующим этапом станет возникновение и развитие печати — оно позволяет автоматизировать производство текстов и сосредоточиться на их дистрибуции. «Замещенной» функцией становится функция «авторства», поскольку артефакты теперь могут быть производимы автоматически через умножение копий, а текст начинает восприниматься не как носитель сообщения, а как графический объект: совокупность форматов, изданий, шрифтов, верстки и проч. (по крайней мере, функционально) [Маклюэн 2007: 67].

Поскольку акцент смещается со степени подлинности (авторства, способа производства) на степень распространенности (способ дистрибуции), «автор» уступает место «читателю» или «зрителю» [Барт 1989: 102].

Наконец, происходит переход к цифровым медиа, который разворачивается до сих пор и окончательная структура которого еще не вполне очевидна. Однако в рамках нашего подхода мы можем предположить, что если для медиума письма структурными элементами стали «ситуации-сообщения», для печати — «письменные тексты как графические объекты», то для цифровых медиа таковыми станут уже «способы дистрибуции» или «потоки» графических данных [Галкин 2020: 145].

Аналогичным образом, «замещению» подвергнется уже функция «читателя» или «зрителя». То есть можно сказать, что речь идет о своего рода автоматизации процессов интерпретации текстов в культуре. Проблемой, в этой связи, становится до сих пор не выясненный статус этих процессов и возможные способы взаимодействия с ними. Именно для их тематизации и обозначения мы и вводим категорию «псевдоязыков».

Для того, чтобы пояснить природу «псевдоязыков», обратимся к популярной в последнее время области искусственного интеллекта. В настоящее время ИИ рассматривается преимущественно как технология или инструмент, мы же предлагаем рассматривать его как медиум. То есть если письмо стало средой (собственно медиумом), в которой обращались «ситуации-сообщения», а печать – средой, в которой обращались графические форматы, ИИ может стать средой, в которой обращаются способы интерпретации (записанные через конфигурации графических форматов) или псевдоязыки. В пределе, в рамках «псевдоязыка» способ дистрибуции текста полностью совпадает со способом его интерпретации, образуя всякий раз особое наклонение языковой системы (как если бы каждый текст был составлен на отдельном языке, присущем именно этому тексту) [Floridi 2011: 178].

Собственно «псевдоязыковое» качество этих структур можно очень рельефно наблюдать на примере генерируемых ИИ текстов и изображений (хотя, конечно, «псевдоязыки» не сводятся к ИИ как

технологии). Сгенерированное слово как будто «удерживается» от распада усилием, всюду заметен «графический шум». Однако при «псевдоязыковом» подходе «шум» всегда продуктивен. Именно «шум» и позволяет обнаружить «работу псевдоязыков» [Parisi 2013: 210].

В этом примере «шум» подчеркивает, что ИИ не относится к генерируемому тексту или изображению как к «осмысленному» (то есть относится не логически, а графически), для него отсутствует различие между «текстом» и «не-текстом». Массив данных, на котором обучается ИИ, организован в сетевые структуры. При этом нейросеть обрабатывает и распознает не «смысл» текстов, но то, как эти тексты организованы и взаимно соотнесены в общей системе культуры (как она представлена в массиве данных) [Mackenzie 2017: 225].

Это отношение выражено в структуре через своего рода «напряжения» (или «веса»), присваиваемые каждому тексту или его фрагментам. Соотнося «напряжения» между собой в контексте всей системы культуры, ИИ решает, какой вывод (output) будет наилучшим ввиду некоторого ввода (input) [Bratton 2016: 189].

То есть процессы обращения текстов в этой парадигме протекают не через «смысл» и даже помимо «смысла». Более того, выразительным признаком слабой состоятельности «дискурса смысла» в этом контексте является «оборонительный» характер мер, направленных на «осмысление» этого процесса [Galloway 2012: 167]. Вместо того, чтобы воспринимать «псевдоязык» как угрозу, мы предлагаем воспринять его как выражение «среды», в которой новые возможности открываются по мере того, как она таковой осознается [Hansen 2015: 203].

Таким образом, «псевдоязык» представляется возможным средством продуктивного (а не «оборонительного» или критического) осмысления явлений и процессов современной культуры, развивающейся, в большой степени, под знаком новых технологий медиации [Chun 2016: 221].

Список литературы:

Барт Р. Смерть автора // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1989. – С. 384–391.
Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – М.: Постум, 2015. – 240 с.
Галкин Д.В. Цифровые культуры: теория и практика. – СПб.: Изд-во Европейского университета, 2020. – 320 с.
Кнут Д. Искусство программирования. Т. 1. – М.: Вильямс, 2006. – 720 с.
Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – Л.: Медицина, 1983. – 256 с.
Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. – М.: Гиперборея, 2007. – 464 с.
Bratton B.H. The Stack: On Software and Sovereignty. – MIT Press, 2016. – 512 p.
Castells M. The Rise of the Network Society. – Wiley-Blackwell, 2010. – 656 p.
Chun W.H.K. Updating to Remain the Same: Habitual New Media. – MIT Press, 2016. – 264 p.

Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. – University of Minnesota Press, 1987. – 610 p.
Eco U. Faith in Fakes: Travels in Hyperreality. – London: Vintage, 1998. — 240 p.
Floridi L. The Philosophy of Information. – Oxford University Press, 2011. – 416 p.
Galloway A.R. The Interface Effect. – Polity, 2012. – 200 p.
Hansen M.B.N. Feed-Forward: On the Future of Twenty-First-Century Media. – University of Chicago Press, 2015. —– 304 p.
Hayles N.K. How We Think: Digital Media and Contemporary Technogenesis. – University of Chicago Press, 2012. – 280 p.
Mackenzie A. Machine Learners: Archaeology of a Data Practice. – MIT Press, 2017. – 312 p.
Manovich L. The Language of New Media. – MIT Press, 2001. – 400 p.
Parisi L. Contagious Architecture. – MIT Press, 2013. – 368 p.

КОРОЛЁВ Леонтий Андреевич – аспирант кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород), *korolev@bsuedu.ru*

Научный руководитель – *ПОЛОНСКИЙ Андрей Васильевич*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород).